

Панасенко Людмила Александровна, Мелихова Диана Игоревна

АНАЛОГИЯ КАК ФАКТОР АНТРОПОЦЕНТРИЧНОСТИ ИНТЕРПРЕТИРУЮЩЕГО ПОТЕНЦИАЛА ЛЕКСИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ "МЛЕКОПИТАЮЩИЕ" (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

В данной статье рассматривается вопрос о роли принципа аналогии при исследовании проблем интерпретации как отражения человеком воспринятого знания. В работе также обращается внимание на особую значимость чувственного восприятия и получения эмпирического знания в процессе познавательной деятельности человека, что позволяет сделать вывод о том, что для человека восприятие объектов окружающей действительности, в частности представителей животного мира, по каналам перцепции является основополагающим.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/12-4/37.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 4. С. 138-143. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

куд. – кудалинский г.
 кул. – куллабский смеш. г.
 кус. – кусурский г.
 мук. – мукратльский г.
 н-к. – нижекарахский г.
 руг. – ругжинский г.
 сал. – салтинский г.
 суг. – сугратлинский г.

таш. – ташский г.
 тлес. – тлессерухский г.
 тлян. – тлянадинский п-г.
 том. – томуринский г.
 хварт. – хвартунибский п-г.
 чад. – чадаколюбский г.
 чох. – чохский г.
 шул. – шуланинский смеш. г.

Список источников

1. Магомедов М. И., Алиханов С. З. Словообразование в аварском языке. Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2008. 214 с.
2. Оцомиева-Тагирова З. М. Гергебильский говор аварского языка: языковые особенности и топонимия. Махачкала: Алеф, 2015. 408 с.
3. Оцомиева-Тагирова З. М. К вопросу о структурно-словообразовательной характеристике аварских агроонимов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 11: в 3-х ч. Ч. 3. С. 141-143.
4. Оцомиева-Тагирова З. М. Роль местных географических терминов в топонимии // Кавказские языки: генетико-типологические общности и ареальные связи: тезисы докладов 2-й Международной научной конференции. Махачкала: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского НЦ РАН, 2010. С. 184-186.
5. Полевой материал автора Оцомиевой-Тагировой З. М. Села Гергебильского, Казбековского и Хунзахского районов Дагестана. 2006-2017.
6. Саидова П. А. Диалектологический словарь аварского языка. М.: Наука, 2008. 484 с.
7. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: Слово, 2000. 624 с.

DERIVATIONAL MODEL OF THE AVAR TOPONYMY: COMPOUNDING

Otsomieva-Tagirova Zabikhat Magomedovna, Ph. D. in Philology

Kamilova Raisat Magomedovna

*Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa,
 Dagestan Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala
 zabi01@yandex.ru*

The article is devoted to the questions of a structural and word-formative analysis of the Avar microtoponyms, considered by the toponymic material of the territory of dialects distribution of the Avar language northern vernacular. The author shows the peculiarities of compounding by the material of toponyms, the identification of which is important for the characterization of both the toponymic and, in general, lexical and semantic system of these dialects. It allows one to see the peculiarity of the Avar toponymic vocabulary.

Key words and phrases: regional (Avar) toponymy; microtoponym; word-formative pattern; word formation; toponym; compounding.

УДК 81

В данной статье рассматривается вопрос о роли принципа аналогии при исследовании проблем интерпретации как отражения человеком воспринятого знания. В работе также обращается внимание на особую значимость чувственного восприятия и получения эмпирического знания в процессе познавательной деятельности человека, что позволяет сделать вывод о том, что для человека восприятие объектов окружающей действительности, в частности представителей животного мира, по каналам перцепции является основополагающим.

Ключевые слова и фразы: аналогия; интерпретация; интерпретирующий потенциал; лексическая категория; интерпретирующие признаки.

Панасенко Людмила Александровна, д. филол. н., доцент

Мелихова Диана Игоревна

*Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
 Laptop74@mail.ru; di.krasnowa@yandex.ru*

**АНАЛОГИЯ КАК ФАКТОР АНТРОПОЦЕНТРИЧНОСТИ ИНТЕРПРЕТИРУЮЩЕГО
 ПОТЕНЦИАЛА ЛЕКСИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ «МЛЕКОПИТАЮЩИЕ»
 (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

*Публикация выполнена при поддержке Российского научного фонда
 (проект № 15-18-10006 «Исследование антропоцентрической природы языка в когнитивном контексте»)
 в Тамбовском государственном университете имени Г. Р. Державина.*

На современном этапе развития лингвистической науки важным представляется выявление механизмов категоризации и концептуализации, а также изучение индивидуальной концептуализации мира человеком,

поскольку он в процессе общения не воспроизводит в готовом виде языковые значения и формы, а выбирает средства выражения каждый раз заново, опираясь на собственный опыт, свою личную картину мира, т.е. по-своему интерпретирует явления окружающей его действительности. Поэтому, как справедливо отмечает Е. Г. Хомякова, язык представляет собой некий инструмент получения знаний и одновременно является механизмом их репрезентации, а также средством распространения в обществе. Человек, являясь репрезентантом языка, с его помощью «обогащает знания в ходе своей речевой познавательной деятельности, индивидуальной по факту порождения и социальной по характеру функционирования» [14, с. 88-89]. Это подтверждает положение о том, что язык представляет собой антропоцентрическую сущность. Человеческий фактор находит свое отражение в дискурсе, поскольку, как полагает О. В. Магировская, дискурс обладает наивысшей интерпретативностью, так как субъект дискурса является активным и избирательно взаимодействующим с окружающей средой субъектом, а основными признаками его когнитивно-дискурсивной деятельности выступают субъективность, индивидуальность и лингвокреативность [8, с. 68-69].

Языковые значения обнаруживают связь с концептуальной системой человека. Так, исследуя проблему интерпретации в теории смысла, Р. И. Павилёнис рассматривает ее как проблему понимания языкового выражения (и «текстов мира») вообще) в рамках определенной концептуальной системы носителя языка, под которой он понимает «систему его мнений и знаний о мире, отражающих его познавательный опыт на доязыковом и языковом этапах и уровнях и несводимых к какой бы то ни было лингвистической сущности» [11, с. 12].

Речемыслительная деятельность во многом связана с личными процессами в сознании индивида, с явлениями его психики. Лингвокреативная функция речевой деятельности связана с психикой человека, с процессами восприятия и концептуализации. Так, Е. Г. Беляевская отмечает, что чувственное восприятие у животных и человека связано с процессами взаимодействия с окружающей их действительностью. Отражательная способность мозга помогает фиксировать только то, что необходимо биологическому субъекту для обеспечения его жизнедеятельности. Таким образом, по мнению Е. Г. Беляевской, «само восприятие человеком окружающей действительности является интерпретацией этой действительности» [1, с. 83]. Связь языка с психическими процессами сознания индивида еще отмечали сторонники психологического направления в языкознании. Так, деятельность человеческого сознания Х. Штейнталь определял законами ассимиляции, т.е. объединением тождественных или близких представлений, законами апперцепции (определение нового восприятия на основе уже существующих в сознании представлений) и законами ассоциации, т.е. установлением связей различного рода между представлениями [6]. А. А. Потебня пришел к выводу, что мы познаем неизвестный нам предмет при помощи апперцепции, которую он определяет как «участие известных масс представлений в образовании новых мыслей» [13, с. 109]. А. Р. Лурия считал, что процесс порождения речевого высказывания состоит из восприятия готовой системы языковых кодов, а в процессе декодирования речевого сообщения он выделял две фазы, первая из которых связана с процессами расшифровки воспринимаемых кодов, а вторая – с процессами расшифровки глубинного смысла, который кроется за воспринимаемым сообщением [7, с. 291-292].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что в процессе познания человеком окружающего мира значительную роль играют субъективные результаты интерпретации человеком воспринятого знания, которые он отражает в языке. Этот аспект наиболее обстоятельно изучается и излагается в теории лингвистической интерпретации. Под языковой интерпретацией Н. Н. Болдырев понимает «познавательную активность, которая в своих результатах направлена на понимание и объяснение человеком мира и себя в этом мире», т.е. данная активность представляет собой проекцию мира «в коллективно-языковое или индивидуально-языковое сознание человека» [2, с. 22].

Познание обладает многоуровневым характером, поскольку реальный мир характеризуется наличием огромного количества объектов, которые обладают признаковыми различиями и неодинаковой степенью сформированности знаний о них. Многоуровневость познания проявляется в единстве и взаимосвязи нескольких видов когнитивной деятельности, среди которых Н. Н. Болдыревым и О. В. Магировской выделяются перцептивная, понятийная и интерпретативно-оценочная. Данные типы деятельности рассматриваются как отдельные уровни познания: эмпирическое, первичное (понятийное) осмысление и вторичное (интерпретативно-оценочное) осмысление [3].

В процессе чувственного восприятия мира субъект взаимодействует с окружающим миром в рамках своей конкретно-предметной деятельности, что приводит к формированию эмпирического знания. Это знание представляет собой аналоговое знание об онтологии мира, особенностью которого является связь с объективными признаками предмета, которые позволяют его выделить из всего предметного мира [Там же].

В процессе эмпирического познания формируются концепты в виде конкретно-чувственных образов, основными единицами актуализации которых являются слова конкретной семантики. Значения данных слов указывают на то, что номинируемый объект, его состояние или свойство, предполагает определенный способ его восприятия [Там же].

Результаты формирования чувственного образа закрепляются в сознании индивида как совокупность признаков, характеризующих определенный объект, которые представляются как постоянные признаки и, как правило, закреплены на уровне словарных дефиниций. Лексические категории, как объединения языковых форм, репрезентирующих объекты окружающего мира, выступают аналоговыми категориями, концептуальное основание которых организовано признаками этих объектов.

Принцип аналогии при объединении и дифференциации объектов окружающей действительности и аналогия самих дифференциальных признаков являются основанием для формирования межконцептуальных

связей между объектами разных категорий, что обеспечивает осмысление объектов и событий, попадающих в фокус интерпретации. Данный тезис является основанием теории интерпретирующего потенциала лексических категорий. Интерпретирующий потенциал выступает онтологическим свойством лексических категорий и определяет функционирование лексических единиц в их интерпретирующих значениях в речи [4; 12].

Исследование интерпретирующих значений и смыслов, которые развивают единицы лексической категории «млекопитающие», показывает, что объекты животного мира воспринимаются человеком, в первую очередь, по каналам перцепции, и именно перцептивные признаки данных объектов лежат в основе интерпретации объектов других концептуально-тематических областей, таких как «человек», «артефакт», «живая и неживая природа». Это значит, что в результате установления соответствующих межконцептуальных связей на основе принципа аналогии происходит осмысление других областей знания при активизации перцептивного формата знания интерпретирующего потенциала исследуемой лексической категории.

Чувственно воспринимаемые образы животных в ходе эмпирического познания человеком позволяют ему вычлнить характерные признаки – зрительные, обонятельные, тактильные и слуховые, которые используются в качестве дополнительного источника знания об объектах ранее упомянутых областей.

Перцептивные признаки млекопитающих используются для интерпретации физических характеристик объектов окружающего мира. Интегральный признак «форма тела» служит основанием аналогии, устанавливаемой при идентификации и характеристике устройств и спортивных снарядов: *bulldog – a handgun with a thick usually short barrel* [18] / «бульдог – пистолет с толстым, обычно коротким стволом» (здесь и далее перевод авторов статьи. – Л. П., Д. М.); *vaulting horse – a gymnastics apparatus used in vaulting that consists of a padded rectangular or cylindrical form supported in a horizontal position above the floor* [Ibidem] / «гимнастический конь – гимнастический аппарат, используемый для прыжков, продолговатой прямоугольной или цилиндрической формы, поддерживаемый в горизонтальном положении над полом»; конь – гимнастический снаряд для маховых упражнений и опорных прыжков, обитый мягким материалом, длинный брус на ножках [10, с. 293].

Лексические единицы *bear* (медведь), *elephant* (слон), *лось*, *корова* служат для интерпретации особенностей строения объекта интерпретации на основе межконцептуальных связей, определяющихся аналогией по пропорциям тела, а конкретно размера. Дифференциальный признак «большой размер» для данных единиц является постоянным и выявляется в ходе лексикографического анализа данных лексических единиц: *bear – a large mammal with thick fur and a very short tail* [19, p. 70] / «медведь – крупное млекопитающее с толстой шерстью и очень коротким хвостом»; *elephant – a very large mammal with a trunk, curved tusks, and large ears* [Ibidem, p. 287] / «слон – очень крупное млекопитающее с хоботом, изогнутыми бивнями и большими ушами»; лось – крупное парнокопытное животное сем. оленей с широкими уплощенными рогами [10, с. 33]; корова – самка крупных жвачных парнокопытных животных [Там же, с. 297].

Далее рассмотрим, как интерпретирующий признак «большой размер» представлен на примерах различных контекстов.

(1) *Big as a bear but scared as a kitten. If you're afraid, Natty, then I'll do it* [17]. / «Большой, как медведь, а напуганный, как котенок. Если боишься, то тогда я сделаю это».

(2) *A gobbler! He was about three feet high, but he seemed the size of an elephant* [Ibidem]. / «Индюк! Он был ростом около трех футов, но казалось, что размером со слона».

(3) *Тут неповоротливо выросстался из-за стола крупный, как лось, старозаветный купец Семен Парфеньич Сахаров* (В. Я. Шишков. Угрюм-река. Ч. 5-8 (1913-1932)) [9].

(4) – *Олень там большой, как корова, – кивнул бригадир* (Юрий Рытхэу. Молчание в подарок (1970-1977)) [Там же].

В примерах (1) и (3) с помощью лексических единиц *bear* и *лось* интерпретируется крупное телосложение человека по аналогии с размером животного, в примерах (2) и (4) представлен внутренний вектор интерпретации, где проводится аналогия размеров двух представителей животного мира.

Интегральный признак «цвет» используется для характеристики цветовых особенностей объектов интерпретации. Это проявляется как на уровне идентификации при наименовании цветовых оттенков по аналогии с цветом меха животного (ср.: *camel – a light yellowish brown* [18] / «верблюд – светлый желтовато-коричневый цвет»; *fawn – a light brown color* [19, p. 327] / «колененок – светло-коричневый цвет»; *mousy – light brown* [Ibidem, p. 590] / «мышинный – светло-коричневый»; верблюжий – серовато-желтый, цвета шерсти верблюда [10, с. 74]; мышинный – серый цвет [Там же, с. 372]), так и для характеристики цветовых особенностей объектов интерпретации (ср.: *He is smiling, the wide smile of a handsome man, eyes green as a jaguar's* [17]. / «Он улыбается широкой улыбкой красивого мужчины, глаза зеленые, как у ягуара»; *Her hair was short and gray like a koala's, too, and Victor had a full view of the swirl of her head* [Ibidem]. / «Ее волосы были короткими и серыми, как у коалы, и Виктору хорошо были видны локоны на ее голове»; *Нет, он спокойно читал себе что-нибудь или перебирал чётки с бусами, жёлтыми, как кошачьи глаза* (Фазиль Искандер. Тринадцатый подвиг Геракла (1966)) [9]; – *Его, его – Мишкина шапка. Вишь, как лиса красная* (Федор Абрамов. Две зимы и три лета (1968)) [Там же]).

Наличие рисунка на теле животного, т.е. синкретичность формы и цвета, определяет аналогию для интерпретации объектов когнитивных областей «человек», «артефакт», а также объектов «живой и неживой природы». Так, для лексических единиц *tiger* (тигр), *zebra* (зебра), *бурундук* характерен общий интерпретирующий признак – наличие полос на теле (ср.: *Lidia slipped through the orchids: one from Singapore; another from Chennai; another, striped like a tiger, engineered by Belari* [17]. / «Лидия проскользнула сквозь орхидеи: одна

из Сингапура, другая из Ченнаи, а третья, полосатая, как тигр, созданная в Белари»; *The shutters had been closed to keep out the worst of the heat, but thin stripes of sunlight always managed to creep in, and those stripes now lay across Danny's bare legs. I look like a zebra, he thought, and in a minute I'll have to face Daskeh* [Ibidem]. / «Жалюзи были закрыты во избежание наихудшей жары, но тонкие полосы солнечного света постоянно просачивались, и эти полосы теперь падали на голые ноги Дэнни. Я выгляжу, как зебра, подумал он, и через минуту мне придется встретиться с Даскегом»; *В траве хлопотали какие-то маленькие, но безголосые птички с полосатыми, как у бурундуков, спинками и высокими головками* (Валентин Распутин. Живи и помни (1974)) [9]. Лексические единицы *leopard* (леопард), *cow* (корова), *леговая собака*, *рысь* обнаруживают общий интерпретирующий признак – «наличие пятен на теле» (ср.: *She wore a two-piece bathing suit spotted like a leopard* [17]. / «На ней был купальный костюм из двух частей, пятнистый как леопард»; *Diana was mouthing something at her, then grabbed a pen spotted like a cow and drew a dollar sign in the air* [Ibidem]. / «Диана что-то себе проговорила, затем схватила ручку пятнистую, как корова, и нарисовала знак доллара в воздухе»; *стволы деревьев, которые в моей осыпающейся памяти запечатлелись как платаны со стволами, пятнистыми как легавые собаки, чего никак не могло быть на самом деле* (В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975-1977)) [9]; *В самом деле, это была лошадь хоть и местной породы, но довольно странной масти – гнедая, в то же время яркопятнистая, как рысь* (Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 1) (1989)) [Там же].

Интегральный признак «фактура» как своеобразное качество поверхности объекта (см.: фактура – своеобразное качество обрабатываемого материала, его поверхности [10, с. 847]) может дифференцироваться как способность кожного покрова животного или его частей тела к отражению света, т.е. блеску, сиянию, сверканию, что характерно для лексических единиц, представленных в контекстах следующих примеров: *There, on a gigantic boulder, shining like the tail of a whale, sat an old lady with the face of Agnes's long-dead aunt* [17]. / «Там, на гигантском валуне, блестящем, как хвост кита, сидела старушка с лицом давно мертвой тети Агнес»; *The dolphin, its intelligent-looking eyes shining like a cat's, nodded his head, then turned and dived* [Ibidem]. / «Дельфин, его умные глаза сияли, как у кошки, кивнул, затем повернулся и нырнул»; *Волосы, черные с синеватым отливом, грубые и блестящие, как конский волос, туго заплетены и свернуты на затылке* (Борис Хазанов. Корсар (2000)) [9]; *миловидная плосколицая женщина с темной матовой кожей и глазами нежными и блестящими, как у оленя* (А. С. Эфрон. Письма Б. Л. Пастернаку (1948-1959)) [Там же].

Интегральный признак «текстура» понимается как характеристика строения частей объекта (см.: текстура – особенности строения твердого вещества, обусловленные особенностями расположения составляющих его частей [5]). Сюда можно отнести особенности волосяного и кожного покрова животных. Так, лексические единицы *lion* (лев), *dog* (собака), *енот*, *медведь* обнаруживают единый вектор интерпретации при осмыслении лохматости волосяного покрова на теле человека на основе межконцептуальной связи, базирующейся на аналогии с текстурой и внешним видом шерсти животного в следующих примерах.

(1) *We heard rumors that Doc was an addict, living in a hut on the Bay of Campeche, his mind gone, his hair and beard like a lion's mane, his body pocked with sores* [17]. / «Мы слышали о том, что Док был наркоманом, жившим в хижине в заливе Кампече, он выжил из ума, его волосы и борода были словно львиная грива, его тело было усыпано язвами».

(2) *My husband told me this morning that I resemble a shaggy dog, and he's right* [Ibidem]. / «Мой муж сегодня утром мне сказал, что я похожа на лохматую собаку, и он прав».

(3) *И люди подхватили меня на руки. Один – большой такой, лохматый, как енот, – опустил меня в лодку и вдруг охнул* (Эдуард Шим. Приключения зайца (1965-1985)) [9].

(4) *В барак ввалился высокий парень в свитере, без шапки, лохматый, как медведь, и заголосил* (Борис Можяев. Лесная дорога (1964)) [Там же].

В примере (1) дифференциальный признак «лохматость» закреплен на уровне словарных дефиниций и является постоянным (*lion – a large tawny-coloured cat of Africa and NW India, the male of which has a shaggy mane* [19, p. 529] / «лев – крупный рыжеватого цвета кот Африки и северо-запада Индии, самец которого имеет мохнатую гриву»). В примере (2) интерпретирующий признак «лохматость» активизируется за счет употребления в составе сравнительного оборота прилагательного (*shaggy – (of hair or fur) long, thick, and untidy* [Ibidem, p. 832] / «лохматый – (о шерсти или мехе) длинный, толстый, неопрятный»). В примерах (3) и (4) интерпретирующий признак передается за счет употребления в составе сравнительной конструкции прилагательного «лохматый» и активизации опытного знания о структуре шерсти животного (длинная, густая, пушистая).

Лексические единицы *hedgehog* (ёж) и *porcupine* (дикобраз) характеризуются общей интерпретирующей функцией передачи текстуры объекта интерпретации в следующих контекстах.

(1) *His eyes were screwed tightly shut against stray beams of sunlight, and his hair stuck out in all directions like a hedgehog's spines* [17]. / «Его глаза были плотно сжаты из-за случайных лучей солнечного света, и его волосы торчали в разные стороны, как иглы ежа».

(2) *Following them was a much shorter man – the one with the hair standing straight up in the air, all blond like hoar frost and needle-looking, like a porcupine, or like a man who had stuck his finger into a light socket and saw God all at the same time* [Ibidem]. / «За ними следовал гораздо более низкий человек – тот, у которого волосы стояли торчком, белокурые, как иней, и игольчатые, как у дикобраза, или как у человека, который засунул палец в розетку и при этом увидел Бога».

(3) *Облокотясь на подушку, он сморщил давно не бритое, колючее, как у ежа, лицо и, нахмурившись, сказал...* (Валентина Осеева. Динка (1959)) [9].

(4) *...студент Петя Гегель, весь в мыслях, как дикобраз в иглах* (Б. Б. Вахтин. Три повести с тремя эпилогами. Абакасов – удивленные глаза (1959-1964)) [Там же].

В примерах (1) и (2) внешний облик волос человека интерпретируется через сравнение с текстурой волосяного покрова животного (*hedgehog's spines* (1) и *needle-looking, like porcupine* (2)) при дальнейшей детализации интерпретирующего признака за счет компонентов контекста *stuck out in all directions* (1) и *like a man who had stuck his finger into a light socket and saw God all the same* (2), что в результате осмысливается как «взъерошенные, торчащие в разные стороны волосы». В примере (3) через сравнительную конструкцию с использованием лексической единицы *ёж* интерпретируются тактильные ощущения «колючести» кожи человека. В примере (4) объем мыслей человека интерпретируется через сравнение с большим количеством иголок на теле дикобраза, при этом использование лексической единицы *дикобраз* позволяет говорящему достроить концептуальную структуру оценочным компонентом осмысления объекта как «напряженное состояние объекта».

Интерпретирующий признак «морщинистость» реализуется при осмыслении свойств кожи человека или при описании внешнего вида объектов живой и неживой природы в следующих примерах по аналогии с текстурой кожи тела / частей тела животного: *She, with her wide hips, dirty grey hair and face as wrinkled as a pig's ear, looked as blowsy as any harridan from hell* [15]. / «Она, с ее широкими бедрами, грязными седыми волосами и лицом морщинистым, как ухо свиньи, выглядела так же неряшливо, как любая ведьма из ада»; *Небольшой доб, низко заросший волосами, закинутыми назад и довольно длинными, был морщинист, как у обезьяны* (И. А. Бунин. Горький (1936)) [9].

В следующих примерах наблюдается синкретичность признаков по цвету и текстуре: *'Well,' said the corporal at last, looking out over the river to where a low mud shoal raised its back above the water, grey and wrinkled like a hippopotamus. 'it was there'* [15]. / «Ну, – наконец сказал капрал, глядя через реку туда, где низкое грязевое мелководье поднялось над водой, серое и морщинистое, как бегемот, – это было там»; а также по форме и текстуре: *Почему-то было жалко и смешно смотреть на его круглую загорелую лысину, похожую на новый, хорошо выжженный горшок... на длинную, тонкую, морщинистую, как неудойное коровье вымя, шею и на грязные, в заплатках, пестрядинные штаны* (И. Е. Вольнов. Повесть о днях моей жизни (1912)) [9], что добавляет детализации при описании физических параметров объектов интерпретации.

Одним из наиболее продуктивных признаков формата перцепции являются звуки, издаваемые животными, которые используются для характеристики звуков, производимых человеком или артефактом. При этом различные наименования животных могут использоваться с глаголами с общей или схожей звуковой семантикой, т.е. разные животные производят один и тот же или схожие звуки. Интерпретация звуков, производимых человеком или артефактом, происходит на основе межконцептуальных связей, определяемых аналогией с качеством производимых животным звуков. Таким образом, выстраиваются следующие линии аналогии между объектами интерпретации и животным, которые будут рассмотрены на примерах следующих контекстов.

(1) *Anna starts to screech like a dolphin* [17]. / «Анна начинает визжать, как дельфин».

(2) *Her sister screamed like a rabbit in a trap* [Ibidem]. / «Её сестра кричала, как кролик в ловушке».

(3) – *Подлый трус!.. Ты воешь, как гиена!.. Корыто акул, оплеванное моряками!* (А. С. Грин. Пролив бурь (1909)) [9].

(4) *He плакал – выд на одной ноте. Как кит, или кто там воет. Вера с Лешей пытались его успокоить* (Маша Трауб. Не вся *la vie* (2008)) [Там же].

В данных примерах лексические единицы *dolphin* (дельфин), *rabbit* (кролик), *гиена* и *кит* обнаруживают общий признак «порождение громких звуков на высокой ноте, похожих на плач», что достигается сочетанием этих единиц со следующими глаголами: *screech – a high shrill piercing cry usually expressing pain or terror* [18] / «визжать – издавать высокий пронзительный крик, обычно выражающий боль или ужас»; *scream – to voice a sudden sharp loud cry* (2): *to produce harsh high tones* [Ibidem] / «кричать – производить внезапный громкий вопль (2): производить резкие высокие звуки»; *выть – перен.* издавать громкие, протяжные, заунывные звуки, подобные вою животных (о музыкальных инструментах, летящих снарядах и т.п.). *перен. разг. громко плакать, рыдать*, издавая протяжные звуки (о человеке) [5].

В следующей группе примеров интерпретация происходит за счет использования лексических единиц *elephant*, *tiger*, *бегемот* в сочетании с глаголами: *bellow – to give a deep roar of pain or anger* [19, p. 74] / «реветь – издавать глубокое рычание от боли или злости»; *roar – to make a long, loud, deep sound* [16] / «рычать – издавать протяжный громкий глубокий звук»; *реветь – перен.* производить громкие, протяжные звуки [5] – «порождение громких протяжных звуков на низкой ноте».

(1) *Maranzano bellows like a dying elephant, swinging his arms wildly, trying to ward off the knives as he crawls backwards on the floor* [17]. / «Маранцано ревет, как умирающий слон, дико размахивая руками, пытаясь отразить ножи, пока ползет назад по полу».

(2) *The green car wasn't happy about getting found out, and it let us know it with a big engine rev that sounded like a tiger roaring* [Ibidem]. / «Зеленая машина была не рада быть обнаруженной, и дала нам об этом знать сильным вращением двигателя, по звуку напоминающим рев тигра».

(3) *Именинника не видишь? – ревел, как бегемот, атаман. Трамвай затормозил* (Леонид Сапожников. Митя Метелкин в Стране Синих роз (1988)) [9].

Таким образом, единицы лексической категории «млекопитающие» обнаруживают широкий интерпретирующий потенциал, а диапазон интерпретирующих признаков определяется принципом аналогии как основным принципом интерпретации. При этом признаки, заложенные в концептуальном основании лексической категории, выступают в качестве источника дополнительного знания об объектах других областей. В ходе анализа было выявлено, что интерпретация объектов таких концептуальных областей, как «человек», «артефакт», «живая и неживая природа», единицами лексической категории «млекопитающие» основывается на межконцептуальных связях по таким направлениям, как «форма» (размер, строение), «цвет», «фактура» (блеск), «текстура» (характеристика волосяного покрова («лохматость», «колючесть»), свойства кожи («морщинистость»)) и «звуки» («высокие и громкие», «громкие и низкие»). Выделение говорящим субъективных признаков в качестве интерпретирующих форматов знания является следствием эмпирического познания человеком в процессе его взаимодействия с объектами окружающей среды, в результате которого формируются конкретно-чувственные образы. Отдельные характеристики этих образов закрепляются в словарных дефинициях и имеют статус постоянных признаков, а другие выявляются в рамках анализируемых контекстов.

Список источников

1. **Беляевская Е. Г.** Интерпретация знаний о мире в языке: методы изучения // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017. С. 82-155.
2. **Болдырев Н. Н.** Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017. С. 19-78.
3. **Болдырев Н. Н., Магировская О. В.** Языковая репрезентация основных уровней познания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 2. С. 7-16.
4. **Болдырев Н. Н., Панасенко Л. А.** Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 2. С. 5-13.
5. **Ефремова Т. Ф.** Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. М.: Русский язык, 2000. URL: <http://www.efremova.info/> (дата обращения: 02.10.2017).
6. **Звегинцев В. А.** История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях: в 2-х ч. М.: Просвещение, 1964. Ч. I. 464 с.
7. **Лурия А. Р.** Язык и сознание / под ред. Е. Д. Хомской. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 320 с.
8. **Магировская О. В.** Антропоцентрический принцип организации дискурса // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXX. С. 68-70.
9. **Национальный корпус русского языка** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 14.10.2017).
10. **Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Изд-е 4-е, доп. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
11. **Павилёнис Р. И.** Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.
12. **Панасенко Л. А.** Интерпретирующий потенциал лексических категорий: дисс. ... д. филол. н. Тамбов, 2014. 351 с.
13. **Потебня А. А.** Слово и миф. М.: Правда, 1989. 624 с.
14. **Хомякова Е. Г.** Антропокогнитивные аспекты ценностной картины мира // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXX. С. 86-90.
15. **British National Corpus** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 15.10.2017).
16. **Cambridge Dictionary** [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 15.10.2017).
17. **Corpus of Contemporary American English (COCA)** [Электронный ресурс]. URL: <https://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 15.10.2017).
18. **Merriam-Webster** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 15.10.2017).
19. **Oxford Dictionary of Current English.** Oxford: Oxford University Press, 2006. 1081 p.

**ANALOGY AS A FACTOR OF ANTHROPOCENTRICITY
OF THE INTERPRETATIVE POTENTIAL OF THE LEXICAL CATEGORY “MAMMALS”
(BY THE MATERIAL OF THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES)**

Panasenko Lyudmila Aleksandrovna, Doctor in Philology, Associate Professor

Melikhova Diana Igorevna

Derzhavin Tambov State University

Laptop74@mail.ru; di.krasnowa@yandex.ru

The article discusses the role of the principle of analogy in studying the problems of interpretation as a reflection of perceived knowledge by a person. The paper also draws attention to the special importance of sensory perception and the obtaining of empirical knowledge in the process of human cognitive activity. It allows us to conclude that the perception of objects of the surrounding reality, in particular, representatives of the animal world, through the channels of perception is fundamental for a person.

Key words and phrases: analogy; interpretation; interpretive potential; lexical category; interpretative features.